

Orłowski Polski wopros.

Ożelski

М. Оржельскій.

Польскій

вопросъ.

Кіевъ.

Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ, 40.

1898.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

Дозволено цензурою. Кієвъ Сентября 13 дня 1898 г.

4992

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

1.

Польскій вопросъ, казавшійся пять, шесть лѣтъ тому назадъ разрѣшеннымъ окончательно и безповоротно, снова началъ занимать собою столбцы газетъ и повременныхъ изданій.

Посѣщеніе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЕЛИЧЕСТВАМИ Варшавы, отмѣна процентнаго сбора съ имѣній лицъ польскаго происхожденія, проектъ введенія земскихъ учреждений въ Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ, — всѣ эти событія заставляютъ вновь заняться пересмотромъ стараго дѣла.

По польскому вопросу высказались также въ послѣднее время: проф. Б. Н. Чичеринъ, удѣлившій ему мѣсто въ третьемъ томѣ своего „курса государственной науки“ и профессоръ университета св. Владиміра Н. К. Ренненкампфъ, посвятившій разбору взглядовъ московскаго профессора рядъ статей въ газетѣ „Кіевлянинъ“, изданныхъ теперь въ видѣ отдѣльной брошюры.

Оба автора являются выдающимися представителями русской университетской науки, а потому, казалось бы, эти два мнѣнія должны обратить на себя общее вниманіе, явиться злобою дня, какъ для польской, такъ и русской печати. Взгляды профессора Ренненкампфа интересны еще и потому, что почтенный авторъ не только ученый юристъ, но и видный общественный дѣятель Юго-Западнаго края, занимавшій втеченіе мно-

гихъ лѣтъ должности, то городского головы, то ректора университета, то предѣдателя различныхъ кредитныхъ учреждений края.

Тѣмъ не менѣе, и польскія, и русскія газеты отнеслись довольно равнодушно, какъ къ появленію брошюры Н. К. Ренненкампа, такъ и къ мнѣнію о польскомъ вопросѣ Б. Н. Чичерина. Последнее, впрочемъ, понятно: трудъ московскаго ученаго столь обширенъ, затрагиваетъ такую массу основныхъ вопросовъ, въ сравненіи съ которыми польскій вопросъ является частнымъ и второстепеннымъ, что при обсужденіи труда московскаго ученаго трудно сосредоточить вниманіе на главѣ, относящейся къ польскому вопросу. Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, причиною равнодушія, съ которымъ отнеслась къ трудамъ обоихъ ученыхъ по польскому вопросу и польская, и русская печать, объясняется просто тѣмъ, что и первоклассный трудъ Б. Н. Чичерина, и брошюра Н. К. Ренненкампа по означенному вопросу заключаютъ лишь старыя избитыя фразы и, безъ всякаго сомнѣнія, не составляютъ эпохи въ литературѣ польскаго вопроса. Оба взгляда, не смотря на свое діаметральное противорѣчіе, также стары, какъ и самое польское дѣло.

Мнѣнія московскаго профессора по польскому вопросу сводятся къ слѣдующему: „уничтоженіе самостоятельнаго бытія Польши и включеніе ея въ составъ Русской Имперіи нельзя не признать политической ошибкою. Воображать, что можно когда либо слить польскую народность съ русской — это несбыточная мечта. Подобною политикою можно приобрѣсти только враговъ. Если народныя чувства и стремленія не возможно уничтожить, то падо имъ

дать правильный исходъ, а это достигается только отдѣльнымъ государственнымъ существованіемъ. Народъ, жившій историческою жизнью, богато одаренный природою, одушевленный несокрушимою любовью къ отечеству, сохранившій свою духовную самостоятельность, не исчезнетъ съ лица земли“ (стр. 275, 101, 59).

Эти слова напоминаютъ собою старую простую пѣсенку, которую мы слышали сотни разъ еще въ дѣтствѣ. Она обработана рукою художника-композитора и воспроизведена имъ въ симфоніи, или сонатѣ, но нова обработка, мотивъ же старъ и прекрасно извѣстенъ. Мысль эта является неволью, когда читаешь книгу московскаго профессора. Все, что говоритъ профессоръ Б. Н. Чичеринъ, старо, какъ самый польскій вопросъ. Еще въ 20-хъ годахъ, русскіе и польскіе дѣятели 4 декабря, съѣзжаясь въ Кіевѣ, разсуждали на эту тему. Мнѣніе это выражали и либеральничавшіе пятидесятники въ эпоху, предшествовавшую польскому возстанію. Многимъ полякамъ нравились эти фразы, но до сихъ поръ польская нація обвиняется именно въ томъ, что не забыла мечтаній о своей политической самостоятельности. Это обвиненіе и служитъ основаніемъ всѣхъ ограничительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ, которыя примѣняются по отношенію къ полякамъ.

Русскіе, вообще, и русскіе ученые въ частности, призваны исторіей явиться учителями поляковъ и преподавать имъ политическую мудрость, а потому всякія теоріи, оправдывающія шовинистическія и сепаративныя стремленія извѣстной части польской націи, по меньшей мѣрѣ, не простительны. Теоріи, вы-

раженныя проф. Чичеринымъ, идутъ не только въ разрѣзъ съ основными положеніями польскаго вопроса въ Россіи, но и съ общими положеніями, высказанными проф. Б. Н. Чичеринымъ въ другомъ мѣстѣ его труда.

Такъ, профессоръ Чичеринъ пишетъ:

„Въ странахъ, подвергшихся глубокимъ революціоннымъ потрясеніямъ, шаткость общественной мысли становится постояннымъ явленіемъ. Ничто такъ не препятствуетъ развитію политическаго смысла, какъ сохраняющійся въ обществѣ революціонный духъ. Политика требуетъ спокойнаго и здороваго пониманія существующихъ условій; она вступаетъ въ сдѣлки, ищетъ возможнаго, а революціонный духъ питается крайностями, увлекается страстью, закрываетъ глаза на дѣйствительность и живетъ созданіями воображенія, которыя онъ принимаетъ за цѣль. Доселѣ Франція страдаетъ тѣмъ недостаткомъ политическаго смысла, который былъ воспитанъ въ ней новѣйшею ея исторіей. Поэтому нельзя не признать великой заслуги государственнаго человѣка, который изъ революціонныхъ элементовъ, завѣщанныхъ прошлымъ, умѣлъ создать оппортунизмъ (Леонъ Гамбетта). То, что называется оппортунизмомъ, т. е. умѣніе прилаживаться къ условіямъ мѣста и времени, есть сама политика и изъ всѣхъ современныхъ политическихъ партій во Франціи оппортунисты одни обладаютъ политическимъ смысломъ; остальные гоняются за химерами“.

Такимъ образомъ, ученый правовѣдъ, порицая во Франціи тѣ партіи, которыя гоняются за химерами, поддерживающими въ об-

ществѣ революціонный духъ, является сторонникомъ химеры въ русско-польскомъ вопросѣ.

Наврядъ-ли польское общество будетъ обязано профессору Чичерину за то, что онъ съ профессорской кафедры, съ авторитетомъ государствовѣда повторилъ то мнѣніе, которое внушаютъ націи непримиримые шовинисты, съ которыми борется и должна бороться здравомыслящая часть общества.

Въ свое время сочувственное отношеніе со стороны русскихъ къ польскому дѣлу, выразившееся приблизительно такимъ точно образомъ, какъ и въ трудѣ проф. Чичерина, сыграло въ рукахъ ловкихъ агитаторовъ извѣстную роль. „Какъ не взяться за оружіе чистокровному поляку“, говорили они, „когда даже сами русскіе, лучшая часть русскаго общества, стоитъ за самостоятельность Польши, сочувствуетъ польскому дѣлу“ — и слова эти въ ихъ устахъ явились весьма убѣдительнымъ аргументомъ. Несомнѣнно и слова профессора Чичерина будутъ приняты съ восторгомъ современными польскими утопистами, будутъ заучены ими наизусть, при чемъ, конечно, не преминутъ внести въ свой лексиконъ словъ: „и проф. Чичеринъ, съ точки зрѣнія науки государственнаго права, находить, что Польша должна быть самостоятельна“.

Читая главу „Политики“, посвященную польскому вопросу, мы припоминаемъ невольно знаменитый въ своемъ родѣ романъ В. Крестовскаго: „Кровавый пухъ“. Чтобы ни говорила критика объ этомъ романѣ, онъ довольно вѣрно изображаетъ настроеніе нѣкоторой части русскаго общества въ печальную эпоху 60 гг. Его герой, Хвалынцевъ, увлекся

до такой степени идеей о томъ, что „народъ, одушевленный несокрушимою любовью къ отечеству, не исчезнетъ съ лица земли“, что самъ рѣшился лично принять участіе въ польскомъ возстаніи.

Дѣло кончилось тѣмъ, что герой разочаровался въ „богато одареннѣмъ природою народъ“ по самому пустячному поводу, (онъ повздорилъ съ лакеемъ польской гостинницы изъ за счета), и, выкинувъ изъ головы либеральную блажь, поступилъ на службу въ рядъ самыхъ ярыхъ обрусителей Сѣверо-Западнаго края. Въ рядахъ ихъ онъ встрѣтилъ, можно надѣяться, не мало такихъ же раскаившихся либераловъ, какъ и самъ, которые хотя и не дрались съ русскими войсками за одно съ поляками, но охотно почитывали „Колоколь“, сочувствовали польскому дѣлу и, отрезвившись, бросились для искупленія ошибокъ молодости „жечь то, передъ чѣмъ преклонялись“.

Хвалынцевъ безусловно типъ и—является представителемъ той части русскаго общества, которая дважды виновна предъ своими согражданами польскаго происхожденія. Во первыхъ тѣмъ, что, оказывая поддержку и сочувствуя безпокойному элементу, она способствовала его усилению на счетъ здоровомыслящей части населенія, трезво смотрѣвшей на вещи и русско-польскія отношенія, во вторыхъ тѣмъ, что, извѣрились въ своихъ теоріяхъ, слишкомъ ревностно принялась за ассимиляцію прежнихъ друзей. Да, эта часть русскаго общества сыграла по отношенію къ полякамъ не вполне корректную роль и блуждающая кое гдѣ среди поляковъ легенда прс русскій Валенродизмъ не лишена нѣкоторой фактической подкладки.

Здѣсь мы позволимъ себѣ забѣгать нѣ-
сколько впередъ и привести одну цитату изъ
брошюры профес. Н. К. Ренненкампа. Вотъ
что пишетъ онъ про русско-польскія отноше-
нія въ Юго-Западномъ краѣ въ концѣ 50 гг.:
„сближеніе русскихъ съ поляками началось
гораздо раньше 50 годовъ, — оно выросло подъ
общимъ суровымъ гнетомъ, господствовав-
шимъ съ 1830 г. надъ обѣими народностями.
Какъ современникъ и личный свидѣтель, мо-
гу утверждать, что уже въ 40-хъ годахъ об-
разованнѣйшіе русскіе кружки въ Кіевѣ, Нѣ-
жинѣ, Одессѣ (центрахъ высшихъ учебныхъ
заведеній) относились съ полною симпатіею
къ судьбѣ Польши и охотно входили въ дру-
жескія отношенія съ поляками на почвѣ евро-
пейскаго просвѣщенія и равноправной общест-
венности. Лучшіе и передовые профессора
того времени: К. С. Кесслеръ, П. В. Павловъ,
В. Я. Шульгинъ, Н. Ф. Бунге, М. А. Туловъ
и А. П. Селинъ знакомились съ польскою
поэзіей, исторіей, романами, (напр. В. Я. Шуль-
гинъ и Н. Х. Бунге даже изучали польскій
языкъ) и многихъ изъ среды образованныхъ
поляковъ считали своими близкими друзьями.
Подобнымъ же образомъ (смотри „Кровавый
пуфъ“ замѣтимъ отъ себя) относились къ
польскому вопросу и въ литературныхъ круж-
кахъ Петербурга и Москвы (Грановскій, Яшев-
скій), сколько можно судить по напечатан-
нымъ воспоминаніямъ того времени и по про-
цессу Ѳ. В. Достоевскаго. Велѣдъ за своими
учителями и руководителями молодое много-
численное поколѣніе кіевскихъ студентовъ
выработало въ себѣ подобное-же отношеніе
къ польскому вопросу“.

Послѣ того, какъ уже вспыхнуло возста-
ніе, настроеніе кружковъ, по свидѣтельству
проф. Ренненкампа, измѣнилось:

„Тѣ же самыя лица, которыя еще годъ,
два тому назадъ, относились съ полнымъ
довѣріемъ къ своимъ друзьямъ полякамъ,
читали и наслаждались вмѣстѣ сонетами
Мицкевича, поэмами Пушкина, сочли своимъ
долгомъ протестовать противъ золотыхъ гра-
мотъ, умышленной лжи заграничной прессы,
пренебреженія къ задачамъ просвѣщенія и
издали въ іюль 1863 г. съ имени универ-
ситета св. Владиміра извѣстную брошюру,
подписанную всѣми наличными профессо-
рами университета (въ томъ числѣ ректо-
ромъ Иванищевымъ, Фаворовымъ, Нейкир-
хомъ, Бунге, Шульгинымъ, Вальтеромъ, Ал-
ферьевымъ, Мерингомъ, Незабитовскимъ и
др.) объ истинномъ значеніи польскаго воз-
станія въ Юго-Западномъ краѣ. Въ за-
ключеніи этой брошюры сказано: „мы окан-
чиваемъ, но какъ члены университета счи-
таемъ необходимымъ присоединить, что поль-
ское возстаніе довершило дѣло пропаганды,
которая въ теченіи столькихъ лѣтъ возбуж-
дала узкія національныя стремленія, не-
рѣдко враждебныя не только русскому, но и
всему иноземному“.

Изліянія проф. Ренненкампа не могутъ
не служить прекраснымъ подтвержденіемъ,
сколь хорошо постигъ В. Крестовскій духъ
своей эпохи. Вотъ во что обратились на дѣлѣ
симпатіи къ польскому дѣлу русскихъ интел-
лигентныхъ кружковъ. Въ своей брошюрѣ, пр.
Ренненкампа не опредѣляетъ, положимъ
болѣе точно, въ чемъ выражались симпатіи
къ судьбѣ Польши, описываемыхъ имъ круж-

ковъ, но все таки это нисколько не разубѣждаетъ насъ въ томъ, что многіе поляки, въ виду такихъ отношеній, могли вполне искренне вѣрить, что русскіе кружки сочувствуютъ имъ вполне. Они могли думать и фактически полагали, что русскіе кружки одобряютъ тѣхъ поляковъ, которые перейдутъ отъ слова къ дѣлу и незаконными средствами стануть стремиться къ улучшенію судьбы Польши...

Въ томъ сложномъ психологическомъ процессѣ, который происходилъ въ умахъ поляковъ, замышлявшихъ нехорошее дѣло, сравнительно маловажные факты могли имѣть серьезное значеніе. Извѣстно, что человѣкъ рѣшается на преступленіе не сразу: создать софизмъ, которымъ онъ оправдалъ бы предъ собственною совѣстію извѣстный поступокъ, доказалъ бы самому себѣ его необходимость, представляетъ сложную и трудную работу ума. И самые отъявленные заговорщики среди поляковъ сознавали, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ интересная въ психологическомъ отношеніи поэма Словацкаго „Кордыанъ“, что возстаніе — преступленіе, что власть—дѣло Божье и бороться съ нею — дѣло богопротивное. Заговорщикамъ далеко не безъ труда удалось убѣдить свою совѣсть въ необходимости преступнаго дѣянія, не смотря на то, что изъ всѣхъ преступленій возстаніе противъ власти чаще всего идеализировалось народною пѣсней и поэтами отъ Данте и Шекспира до Байрона и Шиллера, и для такого человѣка, еще находившагося въ раздумьи, еще не рѣшившагося на открытое возмущеніе соображеніе, — „этому дѣлу сочувствуютъ лучшіе люди Россіи“, могло имѣть значеніе капли, переполнившей чашу...

Вѣры въ искренность и поляковъ, и русскихъ 60 гг., нельзя не признать, что и тѣ и другіе стали жертвою недоразумѣнія и взаимнаго непониманія, и вся исторія, изложенная проф. Ренненкампфомъ доказываетъ лишь то, что въ русско-польскихъ отношеніяхъ нужно избѣгать нѣкоторыхъ общихъ фразъ, которыя могутъ быть понимаемы двусмысленно и послужить причиною недоразумѣній. Къ такимъ именно опаснымъ фразамъ должны быть отнесены положенія проф. Б. Н. Чичерина: эти фразы уже говорились въ свое время и привели къ самымъ печальнымъ результатамъ.

Руководящими положеніями при разрѣшеніи польскаго вопроса должны служить слѣдующія статьи основныхъ законовъ:

„Съ Императорскимъ Всероссійскимъ Престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго княжества Финляндскаго“.

„Свобода вѣры присвоается не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ. Да всѣ народы въ Россіи пребывающіе славятъ Бога Всемогущаго *разными языки* по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ“.

Эти два положенія должны служить нитью Аріадны, ухватившись за которую публицистъ и правовѣдъ не заблудятся въ томъ лабиринтѣ мнѣній и положеній, съ какими приходится считаться при разсмотрѣніи польскаго вопроса. Нераздѣльность съ одной стороны и гарантія свободы вѣроисповѣданія и языка съ другой, вотъ положенія, запомнивъ которыя публицистъ не можетъ и не долженъ останавливаться, какъ это дѣлаетъ про-

фессоръ Чичеринъ, на соображеніи о томъ, что на границѣ между Россіей и Германіей для европейскаго равновѣсія необходимо нейтральное государство. Сто лѣтъ опытные учителя преподають полякамъ житейскую мудрость, первую букву которой составляетъ: поменьше мечтаній, поменьше надеждъ на интервенцію иностранныхъ державъ, на европейскую войну, на требованія европейскаго равновѣсія.. Конечно, всѣ эти мечты могутъ осуществиться, такъ точно, какъ можетъ случиться, что вслѣдствіе неслыханнаго катаклизма перемѣстятся Карпаты и стануть отдѣлять поляковъ не отъ „друзей“ венгровъ, но отъ „враговъ“ русскихъ, или что Полѣсье превратится въ глубокой и широкой заливъ Балтійскаго моря.

Мы съ горячимъ нетерпѣніемъ брались за книгу проф. Чичерина, имя котораго представляло надѣяться, что формула разрѣшенія польскаго вопроса, представляющаго собою часть общеславянскаго вопроса, формула, которой ждуть не дождутся поляки, русскіе, чехи, всѣ славяне, — будетъ предложена имъ, явится примиреніемъ требованій жизни съ положеніями науки государствовѣдѣнія, но разочарованіе наше было полное: формула проф. Чичерина стара, въ корнѣ ея лежитъ глубокая ошибка: она существовала и раньше, но никого не удовлетворила и ввела лишь путаницу въ дѣло.

ІІ.

Въ № 158 „Кіевлянина“ появилось начало открытаго письма проф. Н. К. Ренненкампа къ Б. Н. Чичерину, въ которомъ онъ обѣщалъ высказать нѣсколько замѣчаній по поводу мнѣній московскаго ученаго о польскомъ вопросѣ. Проф. Ренненкампа втеченіе, если не ошибаемся, свыше тридцати лѣтъ, преподаетъ въ университетѣ св. Владиміра науку, цѣль которой объяснить понятіе о правѣ, законѣ, государствѣ, объ отношеніи права къ личности, государству, нравственности, однимъ словомъ, энциклопедію права. Мы полагали, что проф. Ренненкампа съ точки зрѣнія науки о правѣ, законѣ, справедливости, разъяснить, въ чемъ заключается ошибка, вкравшаяся въ статьи Б. Н. Чичерина по польскому вопросу. Мы надѣялись, что кіевскій ученый, можетъ быть, предложитъ формулу разрѣшенія польскаго вопроса, но, читая письма проф. Ренненкампа, мы разочаровывались все болѣе и болѣе.

Мало того, нами стало овладѣвать недоумѣніе, зачѣмъ понадобилось проф. Н. К. Ренненкампу говорить о польскомъ вопросѣ, да еще избрать для своихъ изліяній столь необычную въ нашей періодической литературѣ форму, какъ открытое письмо, въ то время какъ всѣ основныя положенія его выражены гораздо полнѣе, опредѣленнѣе, содержательнѣе: въ статьяхъ Каткова, въ статьяхъ того-же „Кіевлянина“ подъ редакцію

В. Я. Шульгина, наконецъ, героемъ упоминаемаго нами выше романа „Кровавый пухъ“. Допустить, чтобы проф. Б. Н. Чичерину были не извѣстны тѣ сотни разъ переговоренные факты и соображенія, которыя высказываетъ въ своемъ письмѣ Н. К. Ренненкампфъ, нѣтъ никакой возможности... Тѣмъ не менѣе, статьи написаны и даже изданы отдѣльно, а слѣдовательно стали фактомъ, съ которымъ необходимо считаться, а потому мы приступаемъ къ разсмотрѣнiю ихъ.

Въ своихъ статьяхъ проф. Ренненкампфъ доказываетъ, что раздѣлъ Польши былъ не „политическою ошибкою“, какъ утверждаетъ проф. Чичеринъ, но „политическою необходимостью“. Къ сожалѣнiю, этотъ вопросъ относится прежде всего къ области исторiи и пока исторiя не установитъ на этотъ счетъ положительныхъ взглядовъ, до тѣхъ поръ рано дебатировать по этому вопросу тѣмъ болѣе, что для практическихъ цѣлей онъ не имѣетъ никакого значенiя. Споръ о томъ, чѣмъ былъ раздѣлъ Польши, ошибкою-ли, или необходимостью, это совершенно праздный вопросъ, съ точки зрѣнiя практики. Какъ бы тамъ ни было Польша стала нераздѣльною, органическою частью Россiйской Имперiи, и польскiй вопросъ состоитъ, прежде всего, въ томъ, чтобы, выражаясь словами энциклопедiи проф. Ренненкампфа, „русское государство стало поприщемъ и средствомъ для достиженiя и восьмью миллiонами вѣроподданныхъ Русскаго Царя ихъ цѣлей и всѣхъ доступныхъ имъ благъ“.

Въ своемъ письмѣ проф. Ренненкампфъ рассказываетъ въ хронологическомъ порядкѣ, какъ постепенно устанавливались по отно-

шенію къ полякамъ исключительные законы и приходитъ къ заключенію, что все, что существуетъ — совершенно и должно быть сохранено. На нашъ взглядъ является пѣсколько страннымъ, что выводы профессора Ренненкампа основаны исключительно на фактическомъ матеріалѣ, заимствованномъ изъ области, чуждой ученому правовѣду, изъ области исторіи. На сколько эти выводы согласны съ общими положеніями науки о правѣ, справедливости, государствѣ, основанія которой преподаются проф. Ренненкампомъ, этого въ брошюрѣ мы не находимъ. въ то время какъ ожидать этого столь естественно.

Незнакомые съ лекціями проф. Ренненкампа и съ теоретическими основаніями науки права, вообще, а къ таковымъ относится большая часть публики, читающей ежедневную газету, въ которой напечатаны статьи проф. Ренненкампа, могутъ, пожалуй, подумать, что положенія, высказываемыя имъ, подкрѣплены авторитетомъ науки права, являются компетентнымъ заключеніемъ безпристрастного ученаго спеціалиста. Несомнѣнно, подобное соображеніе должно еще болѣе укрѣпить средняго читателя въ томъ убѣжденіи, которое внушается ему втеченіе 36 лѣтъ, что всякія исключительныя мѣропріятія, какъ бы ни казались они на первый взглядъ несимпатичными, необходимы съ точки зрѣнія: политической, экономической, соціологической, юридической и многихъ другихъ. Этимъ путемъ создается настроеніе общественнаго мнѣнія по извѣстному вопросу.

Принимая все это во вниманіе, мы задались цѣлью свѣрить положенія, высказыва-

емья проф. Ренненкампомъ въ его брошюрѣ съ мнѣніями, высказываемыми имъ же въ его „энциклопедіи“ съ цѣлью доказать среднему читателю, что мнѣнія ученаго спеціалиста по данному практическому вопросу далеко не согласны съ основными положеніями той науки, жрецомъ которой онъ состоитъ. Положенія проф. Ренненкампа, высказываемыя имъ въ его брошюрѣ, не только не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія науки права вообще, но находятся въ положительнѣйшемъ противорѣчій съ основаніями науки, излагаемыми самимъ проф. Ренненкампомъ.

Въ своей энциклопедіи (стр. 355 и 356) проф. Н. К. Ренненкамфъ, говоря о способахъ изученія и преподаванія права, пишетъ:

„Съ возрожденіемъ наукъ и развитіемъ отвлеченныхъ теорій во всѣхъ областяхъ знанія, сталъ утверждаться взглядъ, что теорія и практика составляютъ области противоположныя и даже, по самой природѣ вещей, враждебныя другъ другу.

Взглядъ этотъ не соотвѣтствуетъ однако же истинной природѣ теоріи и практики: раздѣленіе занятій не уничтожило основной связи между теоріею и практикою, которыя въ существѣ дѣла суть только различныя стороны и проявленія одной и той же дѣятельности. Каждый шагъ истинной теоріи всегда будетъ полезенъ для жизни и всякая добытая истина рано или поздно найдетъ свое приложеніе и осуществленіе“.

По мнѣнію ученаго правовѣда очевидно еще не пришла пора для приложенія и осуществленія на практикѣ истинъ, излагаемыхъ имъ самимъ съ профессорской кафедры, и потому-то положенія его брошюры расходятся столь

сильно съ положеніями, излагаемыми въ его энциклопедіи, и сама брошюра является блестящимъ подтвержденіемъ того неправильнаго взгляда, что область теоріи и практики совершенно противоположны. Открытыя письма Н. К. Ренненкампа къ Б. Н. Чичерину не только не заключаютъ приложенія и осуществленія теоретическихъ истинъ, изложенныхъ имъ въ его энциклопедіи, но поразительно расходятся съ ними, что мы и постараемся доказать соотвѣтственными цитатами изъ ученаго труда проф. Н. К. Ренненкампа.

III.

Что такое государство? что такое народъ?

„Государство“, говоритъ проф. Н. К. Ренненкампфъ въ своей энциклопедіи, „есть общество людей, соединенныхъ единствомъ политической жизни, занимающее опредѣленную область, состоящее подъ господствомъ (суверенитетомъ) высшей государственной власти, исполняющей всѣ высшія задачи управленія, законодательства и суда“ (стр. 37).

„Народъ составляетъ личный элементъ государства. Народъ въ смыслѣ государственномъ не есть ни масса людей, соединенныхъ произвольно, ни разросшаяся семья; это есть населеніе, образовавшееся путемъ естественнаго народженія и исторіи въ одно политическое цѣлое. Народъ въ смыслѣ государственномъ не совпадаетъ съ понятіемъ націи (natio, nation, Naturvolk), подъ которою можно понимать совокупность людей, происходящихъ отъ одного родоначальника и соединенныхъ между собою единствомъ языка и нравовъ. Принципъ національный заключается въ совмѣстномъ жительствѣ и чисто естественномъ кровномъ единствѣ, принципъ государственный основанъ на отношеніи власти и подчиненія, представляетъ единство политическое, выработанное исторіею и владеющее достаточную силою для своего развитія. *Какъ одинъ изъ матеріаловъ постоянныхъ, изъ которыхъ слагается государственная жизнь, національность имѣетъ извѣстныя*

права, сходныя въ некоторомъ отношеніи съ правами отдѣльныхъ лицъ; подобно послѣднимъ національность имѣетъ право развивать свои особенности (т. е. языкъ, нравы) и пользоваться ими, но только въ той мѣрѣ, въ какой это не нарушаетъ жизни и цѣлей общаго бытія государства. (Ст. 39 и 40).

Опредѣленія понятій „государство“ и „народъ“, цитируемыя нами изъ учебника проф. Ренненкампа, вполне научны, формулированы кратко, точно и несомнѣнно принадлежатъ къ числу тѣхъ классическихъ формулъ, благодаря которымъ трудъ кіевскаго ученаго пользуется крупною извѣстностью въ Россіи и за границей.

Опредѣленія проф. Ренненкампа научны и, какъ таковыя, абстрактны, а слѣдовательно не относятся къ какому либо опредѣленному государству, опредѣленному народу. Преимущества подобныхъ общихъ формулъ заключаются въ томъ, что онѣ могутъ быть примѣнимы къ каждому отдѣльному частному случаю, къ каждому государству, къ каждому народу. Для этого необходимо лишь замѣнить общія опредѣленія ихъ частными значеніями подобно тому, какъ въ алгебраической формулѣ, подставляя на мѣсто буквъ ихъ цифровое значеніе, получаемъ готовое рѣшеніе ряда частныхъ задачъ. Произведемъ эту манипуляцію съ формулою профессора Ренненкампа.

Русскій народъ, въ смыслѣ государственномъ, это не разросшаяся семья, потомки поданныхъ кіевскихъ и московскихъ великихъ князей, соединенные между собою единствомъ языка, нравовъ и, прибавимъ отъ себя, ре-

лиги. Русскій народъ это населеніе, образовавшееся путемъ естественнаго народженія и исторіи въ одно политическое цѣлое, населеніе разноязычное, говорящее и по русски, и по польски, и по нѣмецки, и по грузински, и на массѣ другихъ языковъ и нарѣчій. Всѣ разноязычные подданные русскаго Царя суть одинаково члены политической жизни своей страны и русское государство одинаково для всѣхъ ихъ представляетъ поприще и средство для достиженія отдѣльными лицами своихъ цѣлей. Каждая національность въ одинаковой степени имѣетъ право развивать свои особенности и пользоваться ими.

Сдѣлавъ такое опредѣленіе слова русскій, мы охотно готовы предоставить всякимъ попугаямъ, размножившимся въ послѣднее время въ нашей прессѣ, пародировать на всѣ лады заученную фразу: „Россія для русскихъ“. Да! Россія для русскихъ, для подданныхъ русскаго Царя, не для иностранцевъ, но только слѣдуетъ понимать слово русскій не въ національномъ, но въ государственномъ смыслѣ этого слова, не такъ, какъ понимаютъ его различные руководящіе органы прессы. „Русскій“, по мнѣнію ихъ это не только вѣрноподданный русскаго Царя, но непременно говорящій на великорусскомъ нарѣчій, непременно исповѣдующій православную религію, непременно даже проживающій въ одной изъ центральныхъ губерній. Вотъ кто русскіе, вотъ кто подданные и граждане русскаго государства, члены политической жизни своей страны; остальные же вѣрноподданные русскаго Царя, говорящіе на другихъ языкахъ, исповѣдующіе другую вѣру обязаны лишь нести повинности и повиноваться государственной

власти, но они не граждане своей страны, не члены политической ея жизни.

Какъ и другія болѣзни вѣка, безусловный, слѣпой и страстный націонализмъ пришелъ къ намъ съ запада. Сначала, во имя идей справедливости, гуманности, онъ домогался правъ и единства для различныхъ угнетенныхъ или разрозненныхъ національностей, но лишь только эти національности получили то, чего домогались, націонализмъ измѣнилъ свою физиономію и изъ защитника слабыхъ и угнетенныхъ сталъ самъ угнетать и преслѣдовать слабѣйшія націи. Какъ ученіе въ высшей степени простое, общепонятное и кромѣ того оправдывающее, якобы какими то вышшимиображеніями, ту естественную физиологическую антипатію, которую возбуждаетъ въ малоразвитомъ субъектѣ подобный ему субъектъ, говорящій на другомъ, неизвѣстномъ ему языкѣ, крайній націонализмъ нашелъ массы почитателей и въ качествѣ новинки распространился по всему земному шару. Пошли различныя изреченія въ родѣ: Америка для американцевъ. Болгарія для болгаръ, Россія для русскихъ...

Представляетъ ли націонализмъ во всей современной прелести что либо новое, выразилась ли въ немъ идея прогрессивнаго развитія челоувѣчества? Нисколько! Націонализмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ проявляется теперь, представляетъ собою ни что иное, какъ культурное переживаніе, возрожденіе давно забытыхъ теорій, вырожденіе, регрессъ. На первой стадіи развитія всѣхъ народовъ, какъ и теперь, каждый иностранецъ назывался врагомъ (*hostis*), или нѣмцемъ и нормальнымъ состояніемъ по отношенію къ нему

была война, которую болѣе мягкіе нравы XIX в. замѣнили исключительными законами. И тогда націонализмъ былъ столь же слѣпъ, какъ и теперь, и считалъ иностранцами цѣлые классы населенія извѣстной страны потому только, что ихъ предки не были членами данной общины. Потребовались вѣка, пока эти классы населенія получили права гражданства въ своемъ государствѣ, пока народы отрѣшились отъ старой ненависти къ иноплеменникамъ. Казалось, христіанство завершило процессъ разложенія націоналистической нетерпимости, но корень безусловнаго націонализма кроется, вмѣстѣ съ другими животными инстинктами, въ самой природѣ челоуѣка и прорывается время отъ времени съ особенною силою, устроивъ въ послѣднее время настоящую оргію. Чего только не допускается, чего только не требуется во имя національныхъ правъ?..

Не мѣшаетъ однако помнить, чтобы ни думало по этому поводу преобладающее мнѣніе, что ни религія, ни наука, не оправдываютъ крайностей націонализма и держатся на этотъ счетъ нѣсколько другихъ, хотя и не столь популярныхъ взглядовъ.

Странно, что проф. Ренненкампфъ, проповѣдывая съ кафедръ истинное ученіе о значеніи понятій „народъ“, „нація“, „государство“, въ популярной статьѣ, рассчитанной на массу обыкновенныхъ читателей, является сторонникомъ узкаго націонализма. Мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ ученый, формулировавшій столь точно различіе между народомъ въ государственномъ смыслѣ и націей, въ другомъ своемъ трудѣ могъ смѣшать такъ сильно эти понятія.

Въ самомъ дѣлѣ, говоря объ исключительныхъ законахъ по отношенію къ лицамъ польскаго происхожденія въ Юго и Сѣверо-Западномъ краѣ, профессоръ Ренненкампфъ пишетъ:

„ Въ послѣднихъ областяхъ мѣры правительства имѣють характеръ огражденія и защиты темнаго, бѣднаго русскаго крестьянства отъ слабаго числомъ, но богатаго и культурнаго дворянства и духовенства, изощреннаго въ мѣрахъ вліянія и пропаганды. Къ тому же необходимо имѣть въ виду, что указанные монастыри, костелы, епископскія каѳедры, помѣщичьи палацы, устроенные среди преобладающаго русскаго православнаго населенія, имѣли характеръ передовыхъ бастионовъ пропаганды и во всѣхъ случаяхъ служили опорными пунктами для волненій и враждебныхъ предпріятій. Понятно, что въ подобномъ положеніи каждое правительство сочтетъ себя обязаннымъ заботиться объ ослабленіи недружелюбныхъ, чуждыхъ элементовъ “.

Другими словами можно формулировать мысль профессора Ренненкампфа слѣдующимъ образомъ:

1) польская нація вовсе не является частью русскаго народа, гражданами русскаго государства, но „недружелюбнымъ“ ему элементомъ;

2) противъ польской націи должны быть приняты особыя мѣры, такъ какъ она болѣе богата и болѣе культурна, чѣмъ русское крестьянство, которое нужно ограждать отъ ея преобладанія.

Разсмотримъ по пунктамъ эти положенія.

Существуетъ рядъ истинъ, которыя потому только признаются за таковыя, что втеченіе долгаго времени повторяются на всё лады и никому не приходитъ въ голову доказывать ихъ справедливость. Къ числу такихъ аксіомъ, не требующихъ объясненій и доказательствъ, относится положеніе о томъ, что поляки являются элементомъ, недружелюбнымъ Россіи, чуждымъ ей, природными заговорщиками и врагами государственнаго строя.

Начиная съ семидесятыхъ годовъ, этотъ взглядъ, хотя онъ всегда отвергался и оспаривался представителями польскаго общества, настолько укоренился, что публицисты и государственные люди послѣдующей эпохи, не бывшіе сами свидѣтелями событій 1863 г., приняли это положеніе безъ провѣрки, какъ аксіому. Благодаря этому взгляду предполагается, что не только не всё участники смуты понесли должное возмездіе за участіе въ возстаніи, но продолжали и продолжают до сихъ поръ вести антиправительственную интригу, не смотря на то, что свидѣтели печальныхъ событій 1863 г. изъ юношей стали стариками, что многіе изъ нихъ умерли, что успѣло вырости и созрѣть новое молодое поколѣніе.

На сколько согласенъ съ дѣйствительностью общераспространенный взглядъ, попавшій во всё учебники исторіи для молодого поколѣнія, теперь установить нѣсколько трудно, но для каждаго русскаго, желающаго составить себѣ истинное понятіе о характерѣ русско-польскихъ отношеній, не можетъ не имѣть значенія тотъ фактъ, что общест-

венное мнѣніе всѣхъ польскихъ областей, принимавшихъ участіе въ смутахъ, всегда утверждало и продолжаетъ утверждать, что не только всѣ виновные понесли наказаніе, но и на ряду съ ними пострадала масса вполне благонамѣренныхъ и благомыслящихъ лицъ, непринимавшихъ никакого участія въ возстаніи.

Словомъ, существуютъ двѣ теоріи. По одной, наболѣвшій нарывъ вскрытъ, но гной остался въ больномъ членѣ организма и его необходимо извлекать оттуда всякаго рода средствами; по другой, нарывъ не только вскрытъ, не только удалено все, что слѣдуетъ удалить, но операторъ вырѣзалъ также и часть здоровой ткани, вслѣдствіе чего мѣры, принимаемая для извлеченія несуществующаго гноя, лишь растравляютъ рану и мѣшаютъ ея заживленію.

Не вдаваясь въ детальное разсмотрѣніе того, который изъ вышеприведенныхъ взглядовъ правильнѣе, мы не можемъ не указать, что громадное большинство польскаго населенія не принимало никакого участія въ возстаніи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и малочисленность партій инсургентовъ, и сами главари ихъ, жалующіеся въ своихъ воспоминаніяхъ на равнодушіе народа, на слабую поддержку со стороны „родаковъ“. Конечно, они объясняютъ эти факты или трусостью, или отсутствіемъ воли у коренной массы населенія, но эти указанія все таки весьма цѣнны и свидѣтельствуютъ, что какъ бы ни было, масса сохраняла даже въ 60 гг. вѣрноподданническія чувства по отношенію къ своему законному монарху и русскому государству.

Если извинительно для дѣятелей шести-

десятихъ годовъ, тушившихъ пожаръ, въ видахъ подбодренія и усиленія энергіи среди подчиненныхъ, преувеличивать силы противника и его значеніе. то отъ виднаго дѣятеля Юго-Западнаго края, свидѣтеля событій 60 гг., имѣвшаго полную возможность изучить и понять, какъ характеръ самого волненія, такъ и характеръ польскаго народа. можно требовать не гиперболъ военачальниковъ 60 годовъ, которымъ мерещились враги въ каждомъ костелѣ, въ каждомъ „палацѣ“, но трезваго и спокойнаго отношенія къ вопросу, взгляда, отвѣчающаго настоящему положенію дѣла.

Кіевскому профессору не могутъ не быть извѣстными факты, доказывающіе, что начиная съ 1795 г. среди польскаго населенія Юго-Западнаго края были лица, ставшія настоящими русскими польскаго происхожденія, вѣрою и правдою служившія царю и государству, молясь и думая на польскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію изъ этой среды вышло не много теоретиковъ, писателей, которые предложили бы народу такой же краткій, удобопонятный и легко заучиваемый катехизисъ благонамѣренности и преданности престолу и государству, какой предложила ему немногочисленная, но имѣвшая въ своей средѣ выдающихся публицистовъ и поэтовъ, партія отрицанія существующаго порядка, партія, враждебная престолу. Въ то время, какъ благомыслящее большинство служило государству своею кровью и потомъ, меньшинство на досугѣ сочиняло катехизисы революціи. Отъ большинства сохранились для исторіи ихъ незапятнанные ничѣмъ формуляры, ордена и награды за вѣрную службу, меньшинство же

оставило литературу революціи, послужившую матеріаломъ для составленія обвинительнаго акта по отношенію ко всей націи. Фантазеры, теоретики, пользовавшіеся при жизни репутаціей людей большихъ, считаются послѣ смерти выразителями стремленій и взглядовъ всей націи; существованіе-же благонамѣренной массы игнорируется и, говоря о польскомъ вѣпросѣ, о ней умышленно и намѣренно умалчиваютъ. Впрочемъ, не одни только революціонеры и фантазеры писали политическія программы своихъ партій; и благомыслящее большинство имѣло свою литературу, которая можетъ похвалиться такими именами, какъ Ржевукій, Грабовскій, Корженевскій и др., но о нихъ забываютъ и умалчиваютъ.

Во всѣхъ войнахъ, которыя вела Россія въ XIX в., поляки свято исполняли свой долгъ и проливали свою кровь за царя и государство. Даже въ 1812 г. въ рядахъ русской арміи было не мало поляковъ.

Напомнимъ, что въ 12 г. когда кіевскій губернаторъ Тормасовъ былъ назначенъ командующимъ войсками, управленіе кіевской губерніей было поручено поляку Моршковскому. Въ 30 гг. въ рядахъ русскихъ войскъ, охранившихъ намѣстника и его приближенныхъ отъ нападенія революціонеровъ, были и поляки, оставшіеся вѣрными своему монарху.

Подъ стѣнами Севастополя, при усмиреніи Кавказа, въ русско-турецкія войны, поляки исполняли свято свой долгъ, а равнымъ образомъ трудились на поприщѣ гражданской службы наравнѣ съ другими вѣрно подданными престола и могутъ похвалиться не однимъ именемъ, труды котораго не остались незамѣченными и сыграли свою роль

въ дѣлѣ развитія Россіи. Намъ возразятъ, что мы указываемъ лишь отдѣльные единичные случаи, но какъ разъ подобный упрекъ можно сдѣлать и обвинителямъ польской націи: заговоры и бунты составляло громадное меньшинство, большинство же сохраняло вѣрность присягѣ, не принимало никакого участія въ заговорахъ и пользуется дурною славою незаслуженно.

IV

Даже официальная история Юго-Западного края сохранила много эпизодовъ, доказывающихъ, что чувства, одухотворявшія массу польскаго населенія, вовсе не были столь враждебны по отношенію къ русскому государству, какъ эта история старается доказать. Мы позволимъ себѣ подтвердить это небольшою выдержкою изъ официальной истории университета св. Владиміра проф. Владимірскаго Буданова. Авторъ истории приводитъ слѣдующую цитату изъ записокъ попечителя кievскаго учебнаго округа. Е. Ф. Брадке, описывающаго слѣду щимъ образомъ день открытія университета:

„15 іюля 1834 г. въ день св. Владиміра университетъ былъ открытъ. Еще за нѣсколько дней стали во множествѣ съѣзжаться дворяне изъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній и въ меньшемъ числѣ изъ Черниговской и Полтавской. Съѣзжалось больше, чѣмъ съѣзжается на контракты въ январѣ мѣсяцѣ. За 3 руб. въ сутки нельзя было достать крошечной комнатки. Многіе богатые люди расположились по сараямъ, до такой степени три западныя губерніи сочувствовали этому торжеству. Наконецъ, 14 іюля, мы только что отпили чай въ саду, какъ начали съѣзжаться дворяне. Не ожидая такого, заранѣе условленнаго съѣзда, я приказалъ было принести стулья, но скоро увидѣлъ, что стульевъ не достанетъ. Гости становились групп-

пами по уѣздамъ и дворянскіе предводители представляли мнѣ ихъ по одиночкѣ. Не скрою, что такая предупредительность, ничѣмъ съ моей стороны не вызванная, весьма пріятно меня тронула. Наша актовая зала вмѣщала въ себѣ 300 человекъ и потому я отослалъ тремъ дворянскимъ предводителямъ по сотнѣ входныхъ билетовъ, но они настоятельно просили еще билетовъ, и я долженъ былъ распорядиться, чтобы впускали всякаго, одѣтаго въ дворянскій мундиръ, предоставляя этимъ господамъ самимъ позаботиться о размѣщеніи. Изъ Лавры въ 11 час. утра мы отправились въ университетъ. Митрополитъ съ духовенствомъ освятилъ покои. Зала, со-сѣднія комнаты и лѣстница наполнились до невозможности. Для стараго фельдмаршала Сакена, генераль губернатора, духовенства, начальника губерніи и предводителей дворянства приготовлены были особыя мѣста. Я помѣстился рядомъ съ университетскими чинами, возлѣ кафедръ. Когда прочли Императорскій рескриптъ и проф. Цыхъ окончилъ ученую рѣчь, я обратился къ публикѣ и изложилъ причины основанія университета и намѣренія правительства. послѣ чего три дворянскихъ предводителя въ нѣсколькихъ словахъ выразили Государю благодарность за оказанное благодареніе. И это были не пустяя слова. Собраніе обнаружило явное, радостное и восторженное возбужденіе“.

Вотъ фактъ, изложенный достовѣрнымъ свидѣтелемъ, но въ призмѣ кievскаго ученаго фактъ этотъ получаетъ совершенно другую окраску: его считают какой-то комедіей, разыгрываемой поляками съ цѣлью скрыть настоящія свои чувства и намѣренія. Мы не желаемъ

обобщать единичнаго факта, но офіціальная исторія края содержитъ много подобныхъ мѣстъ, придаетъ своеобразную окраску событіямъ, доказывающимъ то, что ей желательно почему то скрывать. Исторія, обвиняющая поляковъ въ разыгрываніи комедіи, не различаетъ поляковъ, участвовавшихъ въ кievскихъ торжествахъ, отъ поляковъ, производившихъ смуты, какъ будто все это были однѣ и тѣ же лица. Исторія, манипулирующая такимъ образомъ, не заслуживаетъ полного довѣрія. Однако собраніе и перечень фактовъ, устанавливающихъ несомнѣнно, что во всѣхъ областяхъ, входившихъ въ составъ Польши и ставшихъ органическою частью Россіи, значительное большинство населенія было всегда искренне предано престолу, потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста, а потому мы не будемъ распространяться болѣе по этому поводу, оставляя за собою право, въ случаѣ какихъ либо возраженій, доказать наше положеніе болѣе детальными ссылками на исторію и литературу, какъ польскую, такъ и русскую...

Никакая нація не представляетъ собою массы, одухотворенной одними намѣреніями и одними желаніями, о чемъ забываютъ наши государствовѣды, говоря о характерѣ и стремленіяхъ польской націи. Какъ бы тамъ ни было, всѣ волненія и смуты отошли въ область прошлаго. Польская нація стала частью русскаго народа и единственнымъ источникомъ права является для нея державная воля русскаго Царя и всякія повелѣнія, указанія, инструкции, исходящія не отъ этого источника закона, являются самозванными распоряженіями, неимѣющими не только ника-

кой фактической власти, но и какой либо нравственной силы. Объ этомъ не слѣдуетъ забывать, кода заходить рѣчь о пресловутой пропагандѣ и агитаціи, которая, еслибы и существовала въ столь крупныхъ размѣрахъ, какъ это полагаютъ многіе, представляетъ собою ни что иное, какъ болвана на соломенныхъ ногахъ.

Самые отъявленные изъ польскихъ революціонеровъ сознавали всегда, что всѣ распоряженія, издаваемые ими, не легальны, не имѣютъ подъ собою никакой почвы, а потому для узаконенія ихъ они создавали фикцію то диктатора, которому будто бы поручилъ народъ въ минуту бѣдствій свою судьбу, не смотря на отсутствіе даже въ древнепольскомъ государственномъ правѣ такой формы власти, то создавали пресловутый „Ржондъ народовый“, являющійся исполнителемъ воли какого то невѣдомаго Х, относительно приблизительно значенія котораго существовали самыя разнорѣчивыя мнѣнія.

Съ того момента, какъ Польша получила Божьею милостью Царя, польскій народъ не знаетъ и знать не хочетъ другой государственной власти, тѣмъ болѣе, что воля народа здѣсь въ сущности ни при чемъ. Самъ проф. Ренненкампфъ утверждаетъ, что основаніе государственной власти заключается не въ волѣ народа, не въ той или другой государственной силѣ и не въ конституціяхъ, а въ безусловной потребности въ ней.

Обратитесь къ воспоминаніямъ и запискамъ главарей польскихъ возстаній и вы увидите, что одинъ изъ самыхъ острыхъ камней, о которые разбилась ладья, управляемая ими, былъ упрямый и тупой вопросъ на-

рода: „кто вы? кѣмъ уполномочены вести насъ“? И главари возстаній не могли дать отвѣта, который удовлетворилъ бы не только народъ, но даже ихъ собственную совѣсть. Вопросъ: „кто вы, кто вамъ далъ власть вести народъ и управлять имъ?“ заставлялъ ихъ прибѣгать къ самымъ отчаяннымъ софизмамъ. Съ момента, какъ въ польскихъ судахъ и учрежденіяхъ раздалось слово: „по Указу Его Императорскаго Величества“, единственною силою, создающею право, является воля Царя. И польскіе шовинисты и публицисты въ стилѣ проф. Ренненкампафа совершаютъ логическую ошибку, обособляя отъ русскаго народа польскую націю, говоря о какихъ-то особыхъ противогосударственныхъ стремленіяхъ этой націи, о какой-то вѣковой борьбѣ, о войнахъ между русскими и поляками, словно русскому государству и русскому Царю можно противопоставить какуюнибудь другую тождественную силу, какоенибудь однозначущее понятіе. Ничего подобного нѣтъ и быть не можетъ. Всякая противогосударственная агитація, руководимая какимъ бы то ни было самозваннымъ комитетомъ, является противозаконною не только съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона, но и съ точки зрѣнія народной совѣсти. Всякій логически разсуждающій полякъ слишкомъ хорошо сознаетъ, что оформить, придать характеръ законности какимъ бы то ни было противогосударственнымъ конспираціямъ нѣтъ никакой возможности. Съ точки зрѣнія стараго польскаго права, ихъ можно было-бы узаконить лишь единогласнымъ рѣшеніемъ сейма, собранія всей шляхты, только шляхты, въ то время какъ не признать правъ за дру-

гими сословіями, при современныхъ условіяхъ, невозможно. Между тѣмъ, другой формы выраженія народной воли польское право не знаетъ.

Всеобщее голосованіе—это форма, неизвѣстная польскому нраву... Словомъ, остается одинъ исходъ: признать анархію и надѣяться, что изъ ея хаоса явится какая-то новая государственная сила, но это и есть тотъ революціонный духъ, то отсутствіе политическаго смысла, въ которомъ нельзя обвинять никакой націи и поляковъ менѣе чѣмъ кого либо.

Въ результатѣ каждый полякъ долженъ прійти къ выводу, что Польша... управляется на основаніи положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ единодержавной власти исходящихъ... При такомъ положеніи дѣла, имѣющаго значеніе строго установившагося положительнаго факта, все разговоры объ ассимиляціи поляковъ въ государственномъ отношеніи лишены всякаго смысла. Поляки уже составляютъ часть русскаго народа, являясь правда неполноправными, но все же гражданами государства. По этому и все смуты—это не войны, которыя велъ польскій народъ съ русскимъ, но преступленія извѣстной группы населенія противъ порядка управленія. Эта точка зрѣнія является единственно правильною въ вопросѣ о русско-польскихъ отношеніяхъ. На заговорщиковъ, на агитаторовъ нельзя смотрѣть какъ на представителей націи, какъ на героев ложной идеи, но просто, какъ на уголовныхъ преступниковъ, съ примѣненіемъ къ нимъ соотвѣтственныхъ частей уложенія о наказаніяхъ.

Даже сочувствующіе польскому дѣлу

утверждаютъ, что русскіе должны простить прегрѣшенія, совершенныя польскимъ народомъ. Это совершенно неправильно: польскій народъ не совершилъ никакихъ преступленийъ противъ русскаго государства, ни въ чемъ не виноватъ, такъ какъ горсть націи, производившая смуты, дѣйствовала на собственный рискъ и страхъ, безъ законныхъ полномочій, и понесла за это наказаніе. Народъ, по элементарнымъ понятіямъ права, является юридическимъ лицомъ, которое: „не можетъ совершать преступленія и подвергаться наказаніямъ: преступленія юридическихъ лицъ суть дѣйствія отдѣльныхъ лицъ“. (Проф. Ренненкампфъ стр. 162). Виновными въ польскихъ смутахъ являются даже и не представители польскаго народа, но самозванцы, неполучавшіе никогда ни отъ кого никакихъ полномочій.

Вражда по отношенію къ польской націи нѣкоторыхъ русскихъ націоналистовъ до такой степени ослѣпляетъ ихъ, что они видимо, совершенно не сознаютъ, что даже не существуетъ никакой фикціи, которая могла бы служить юридическимъ основаніемъ для рекомендуемыхъ ими мѣропріятій.

Обстоятельства эти нисколько не измѣняются, если-бы даже признать, что фактически невѣрно, будто заговорщики были уполномоченными польскаго народа, его законными представителями. Даже и въ томъ случаѣ ответственными за смуту являются они, заговорщики, и никто больше. Намъ неизвѣстенъ теоритическій принципъ, во имя котораго наказаніе за преступленіе группы лицъ возлагалось бы на общину, городъ, народъ, къ которому они принадлежатъ и если можно допустить про-

тивоположную точку зрѣнія въ писаніяхъ различныхъ тушителей и гасителей, не имѣющихъ ничего общаго съ требованіями законности и правомѣрности въ отношеніяхъ между различными національностями Русской Имперіи, то эта точка зрѣнія совершенно не понятна въ трудѣ ученаго правовѣда. Разъ онъ становится на нее, отрѣшаясь отъ столь элементарнаго понятія правомѣрности, что каждый собственнoлично отвѣчаетъ за свои проступки, то слѣдовало бы подкрѣпить эти положенія болѣе сильными аргументами, не прикрываясь лишь авторитетомъ исторіи. Пусть даже правда, что монастыри и помѣщичьи палацы были передовыми бастіонами, но развѣ отсюда слѣдуетъ, что всѣ монастыри и помѣщичьи палацы являются таковыми и теперь и будутъ ими впредь?

Уголовной статистикѣ извѣстно, что бѣднѣйшее населеніе и алкоголики совершаютъ чаще всего преступленія, но развѣ это служитъ причиною изданія какихъ нибудь особенныхъ законовъ по отношенію къ бѣднякамъ и алкоголикамаъ?...

Но къ сожалѣнію, когда вопросъ касается польскаго дѣла, основныя элементарныя требованія юридической логики умолкаютъ, создается, при помощи исторіи, цѣлая лѣстница какихъ-то условныхъ истинъ, условныхъ правъ, условныхъ законовъ, оправдываются самыя неправильныя посылки, самыя отчаянныя софизмы, кончается область послѣдовательности и спокойной аргументаціи.

Съ точки зрѣнія основныхъ началъ, изложенныхъ проф. Ренненкампомъ въ его энциклопедіи, польская нація, ставъ составною частью русскаго народа, войдя въ со-

ставъ русскаго государства, пользуется правомъ развивать свои особенности; съ точки же зрѣнія положеній, высказанныхъ имъ въ его брошюрѣ, противъ польской націи должны быть принимаемы особыя мѣры, такъ какъ она является не только элементомъ недружелюбнымъ русскому государству, но она еще и болѣе богата, и болѣе культурна, чѣмъ русское крестьянство, которое нужно ограждать отъ ея преобладанія. Съ особенною любовью пр. Ренненкампфъ повторяетъ нѣсколько разъ въ своей брошюрѣ слова: „никакое правительство, сознающее свое призваніе, не откажется отъ охраны бѣднаго и темнаго крестьянства отъ слабаго числомъ, но богатаго и культурнаго дворянства и духовенства“.

Такимъ образомъ, принципъ предоставленія каждой національности права развивать свои особенности и пользоваться правами гражданъ, измѣняется проф. Ренненкампфомъ въ томъ смыслѣ, что нація, болѣе богатая и культурная, должна быть лишена этого права, чтобы не препятствовать развитію націи, менѣе культурной и менѣе богатой.

Другими словами, государство обязано заботиться о томъ, чтобы экономическое и культурное развитіе всѣхъ націй, составляющихъ народъ, происходило равномерно и, если какая нибудь изъ нихъ развивается быстрѣе другихъ, оно должно искусственными мѣрами затормозить ея ростъ, то есть поступать такъ, какъ поступаетъ садоводъ при правильномъ веденіи живыхъ изгородей. Растенія, дающія болѣе сильные побѣги, должны быть подрѣзаны. Этимъ взглядамъ нельзя отказать въ оригинальности, но они идутъ

совершенно въ разрѣзъ со всѣми мнѣніями насчетъ задачъ государства. Оно должно способствовать поднятію благосостоянія и культуры населенія и не тормозить ихъ развитія.

Чѣмъ, спрашивается, угрожаетъ болѣе высокая культура польскаго дворянства и духовенства русскому крестьянству? Что за страсти такія угрожаютъ послѣднему?

Существуютъ извѣстныя фразы, которыя повторяются столь часто кстати и некстати, что, по мѣрѣ измѣненія условій, онѣ хотя и по прежнему часто употребляются въ разговорной рѣчи, но настоящаго смысла ихъ уже никто не знаетъ. Къ числу такихъ фразъ, смыслъ которыхъ уже забытъ относится выраженіе: „правительство должно заботиться объ охранѣ крестьянства отъ богатаго и культурнаго польскаго дворянства“. Проф. Ренненкампфъ полагаетъ, очевидно, что значеніе и смыслъ этой мѣры столь понятны, что ихъ необъяснять болѣе подробно, выясняя, въ чемъ онѣ заключаются. Между тѣмъ, оффиціальный терминъ: „охрана русскаго крестьянства“ имѣетъ разнообразныя значенія.

Во первыхъ, крестьянина нужно охранять отъ „политической пропаганды“, дабы онъ не составилъ партій, управляемыхъ дворянствомъ, и не принялся за возстановленіе Польши.

Послѣ всего, сказаннаго выше, вполне ясно, что, какъ для охраны отъ вѣтра въ жаркій день не нужна шуба, такъ точно русское крестьянство не нуждается нисколько въ огражденіи его отъ вліянія пропаганды сторонниковъ возстановленія Польши.

Во вторыхъ, слово пропаганда понимается въ религіозномъ отношеніи. Крестьянъ-де нужно охранять отъ пропаганды, имѣющей

цѣлью совратить ихъ въ, *horribile dictu*, католичество. Останавливаясь подробно на этомъ вопросѣ мы не будемъ, такъ какъ полагаемъ, что обсужденіемъ его должны заниматься не публицисты и государственные люди, но богословы. Замѣтимъ только, что и католическая церковь учитъ: „отдайте Богу Божье и кесарю кесарево“, „нѣсть бо власть аще не отъ Бога“ и предаеть анаѣемъ государственнаго преступника.

○ Какъ мы видимъ, оба вышеприведенные мотивы, оправдывающіе „охрану“, покоятся на довольно шаткихъ основаніяхъ и выраженіе: „бѣдное крестьянство необходимо охранять отъ преобладанія дворянства“ было сочинено при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Положеніе крестьянства наканунѣ великой реформы Императора Александра II было весьма тягостно во всей Россіи, какъ центральной (см. „Записки охотника“ Тургенева), такъ и на окраинахъ. Необходимость реформы сознавалась и проповѣдывалась лучшими людьми 40-хъ и 50-хъ годовъ, но въ земляхъ, входившихъ въ составъ бывшей Польши, всѣ труды, имѣющіе цѣлью доказать необходимость реформы, приняли своеобразную окраску Здѣсь помѣщикъ началъ предаваться анаѣемъ не за то, что онъ владѣлецъ крестьянскихъ душъ, но за то, что онъ полякъ. Понятія: „панъ“, „католикъ“, „барщина“, „Польша“ слились въ одно и начали употребляться одно взамѣнъ другого. Тяжелое положеніе крестьянства приписывалось не тому, что они находятся въ крѣпостной зависимости, но тому, что они подчинены полякамъ. При такихъ условіяхъ сложилась фраза: правительство, сознающее свое приз-

ваніе, должно оградить крестьянство отъ слабаго числомъ, но богатаго и культурнаго дворянства и духовенства.

Въ одномъ изъ корридоровъ версальскаго дворца, какъ гласить преданіе, ставился съ незапамятныхъ временъ часовой, въ которомъ тамъ, видимо, не было никакой надобности. Начальство произвело, наконецъ, разслѣдованіе для выясненія вопроса, чѣмъ вызвалось распоряженіе назначать часоваго въ означенный корридоръ. Оказалось, что еще въ 60 г.г. черезъ этотъ корридоръ велъ ходъ въ покои императрицы Евгеніи. Случилось какъ то, что въ корридорѣ были выкрашены стѣны и, по приказанію императрицы, тамъ былъ поставленъ часовой для предупрежденія придворныхъ дамъ, чтобы онѣ берегли свои шлейфы. Приказъ не былъ отмѣненъ и часовые назначались въ означенный корридоръ втеченіе болѣе 30 лѣтъ.

Во всей имперіи, кромѣ воспоминаній и „Записокъ охотника“, не сохранилось отъ крѣпостнаго права ничего; въ областяхъ же съ польскимъ населеніемъ до сихъ поръ признается необходимымъ ограждать крестьянъ отъ „преобладанія польскаго дворянства“, что потеряло значеніе и смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ реформа завершилась и новые порядки окрѣпли. Къ сожалѣнію, многіе администраторы и мировые посредники, не довольствуясь употребленіемъ устарѣвшаго термина въ оффиціальныхъ бумагахъ, стараются осуществлять его на дѣлѣ, уподобляясь версальскому военному начальству, продолжавшему исполнять и при республикѣ приказъ императрицы Евгеніи. Но въ то время, какъ версальскій часовой не приносилъ никому

вреда, дѣятельность нашихъ охранителей представляетъ темное пятно во внутренней исторіи края.

Возвращаясь ко второму положенію проф. Ренненкампа, мы видимъ, что и оно не выдерживаетъ никакой критики. Крестьянство и его интересы защищаются въ достаточной степени общими гражданскими и уголовными законами; ни въ какихъ особенныхъ мѣрахъ огражденія нѣтъ надобности и, еслибы таковая встрѣтилась, то, безъ сомнѣнія, она была бы установлена общероссійскими законами.

Разбирая положенія брошюры проф. Ренненкампа, мы съ особымъ вниманіемъ останавливаемся на сопоставленіи ихъ съ взглядами, изложенными кievскимъ ученымъ въ его энциклопедіи. Въ своей книгѣ ученый отрѣшился отъ всякихъ постороннихъ вліяній и руководителями его были: научная безпристрастная правда, положенія, принятія современною наукою и строго логическая послѣдовательность. Ничего подобнаго мы не видимъ въ брошюрѣ, посвященной польскому вопросу, до такой степени, что, если-бы не надпись на обложкѣ, мы бы никогда не могли признать, что оба труда принадлежать перу одного и того-же ученаго. Наблюдается удивительное раздвоеніе духовной личности автора: для него существуютъ двѣ истины, одна общечеловѣческая, примѣняемая къ отношеніямъ между націями, государствомъ, закономъ, вообще, другая специфическая, примѣняемая къ русско-польскимъ отношеніямъ. Когда проф. Н. К. Ренненкампа начинаетъ говорить о польскомъ вопросѣ, онъ забываетъ про всѣ общія, непреложныя истины, отрѣшается отъ нихъ, предоставляя ихъ теоріи и составляетъ для надобностей практики другія истины.

Другими словами, проф. Ренненкампа не считаетъ возможнымъ примѣнять на практикѣ принципы, излагаемые имъ въ его основаніяхъ науки права. Гуманность, спра-

ведливость, равенство передъ закономъ, все это звучныя слова, которыя значатся въ учебникахъ юридическихъ наукъ, но на практикѣ не примѣняются. Проф. Ренненкампфъ говоритъ правда, что исключительныя мѣропріятія по отношенію къ полякамъ во имя охраны крестьянской массы не имѣютъ ничего общаго съ точкою зрѣнія высшей справедливости, но къ сожалѣнію мы не знаемъ средней и нисшей справедливости. Самъ проф. Ренненкампфъ въ своемъ учебникѣ (стр. 25) даетъ опредѣленіе только одной справедливости: „примѣняемой при оцѣнкѣ достоинства и правоты человѣческихъ отношеній, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, элемента, смягчающаго и примиряющаго общность или строгость закона съ индивидуальностью явленій дѣйствительныхъ“.

Въ своей энциклопедіи (стр. 103) кievскій ученый аттестовалъ по достоинству исключительныя законы и утверждаетъ, что для изданія и сохраненія ихъ должны существовать весьма серьезныя причины. Въ противномъ случаѣ; „удержаніе общихъ законовъ, если только оно возможно, всегда предпочтительнѣе установленія исключительныхъ законовъ. Оно поддерживаетъ единство государственной жизни, равенство положенія, предупреждаетъ запутанность отношеній и неизбѣжныхъ неудовольствій и распри. Но иногда нельзя обойтись безъ нихъ: единство государственной жизни, предупрежденіе незаконныхъ посягательствъ одной части населенія на другую, сохраненіе порядка, въ которомъ заинтересовано все общество, и другія подобныя причины служатъ достаточнымъ къ нимъ поводомъ, но, конечно, желательнѣе,

чтобы прибѣгали къ исключительнымъ законамъ и удерживали ихъ только въ границахъ совершенной необходимости“.

Чему же въ настоящее время угрожаютъ поляки: единству ли государственной жизни, посягаютъ ли на какую нибудь часть населенія?—Очевидно нѣтъ, такъ какъ проф. Ренненкампфъ нигдѣ не утверждаетъ положительно чего либо подобнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ исключительныхъ законовъ. Во имя чего — неизвѣстно.

Вообще, за 36 лѣтъ, прошедшихъ со времени послѣдней польской смуты, проф. Ренненкампфъ, какъ и многіе другіе наши публицисты, ничего не забылъ, ничему не научился. Для него поляки до сихъ поръ являются „слабымъ числомъ, но богатымъ и болѣе культурнымъ въ сравненіи съ русскими элементомъ“. Къ сожалѣнію, нація, развитіе которой почему либо пріостановилось и не идетъ впередъ, естественно, начинаетъ отставать отъ другихъ прогрессирующихъ націй. Тысячи фактовъ обыденной жизни свидѣтельствуя о томъ, что умственный уровень цвѣта націи, польской интеллигенціи, значительно понизился, въ сравненіи съ прошлымъ; она уже теперь и въ количественномъ, и качественномъ отношеніи не можетъ равняться съ интеллигенціей другихъ, въ прежнія времена менѣе культурныхъ, націй. Благодаря различнымъ обстоятельствамъ, число лицъ польскаго происхожденія, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія уменьшается съ каждымъ годомъ, равно какъ и число лицъ, оканчивающихъ эти заведенія. Большинство лицъ съ высшимъ образованіемъ не остается ни въ предѣлахъ Польши, ни въ предѣлахъ губер-

ній съ польскимъ населеніемъ, но переселяется въ другія мѣстности имперіи, составляя тамъ тотъ цѣнный въ общественномъ отношеніи контингентъ лицъ, называемыхъ интеллигенціею и являющихся до извѣстной степени носителями и распространителями общечеловѣческихъ принциповъ правды, гуманности, уваженія къ личности, наукѣ, искусству и т. д. Въ то время, какъ лѣтъ 30—40 тому назадъ полякъ съ университетскимъ образованіемъ представлялъ заурядное явленіе, теперь онъ представляетъ большую рѣдкость. Если вы станете просматривать каталоги книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ за послѣдніе десять лѣтъ на польскомъ языкѣ и сравните ихъ съ библиографическими листками за прежніе годы, вы не можете не обратить вниманія на крайнюю бѣдность книгъ по всѣмъ отраслямъ знаній. Ихъ и писать, и читать больше никому. Еще 8—10 лѣтъ тому назадъ польскіе ученые, разсѣянные по университетскимъ городамъ всей Европы, издавали время отъ времени на родномъ языкѣ какое нибудь цѣнное сочиненіе (Гумпловичъ — „Соціологія“, Страсбургеръ „Ботаника“ и т. д.), но подобныя сочиненія не появляются больше въ печати, такъ какъ число польскихъ ученыхъ уменьшается. Старые ученые, воспитанники существовавшихъ раньше польскихъ университетовъ, вымираютъ; получить же университетскую кафедру при современныхъ условіяхъ поляку неимовѣрно трудно (см. отношенія нѣмецкихъ профессоровъ къ польскому вопросу).

Полякъ, желающій изучить какую нибудь науку, уже не можетъ удовлетворяться однимъ роднымъ языкомъ и, если не знакомъ съ какимъ нибудь иностраннымъ, или рус-

скимъ языкомъ, такъ и останется неучемъ, потому что по многимъ наукамъ нѣтъ на польскомъ языкѣ даже мало мальски сноснаго учебника. Отсутствие университета, отсутствие людей, обязанныхъ *ex officio* слѣдить за наукою и предлагать народу, если не самостоятельные ученые труды, то хотя бы сводку ученыхъ работъ другихъ, сильно даетъ себя чувствовать. Слѣдите за польской журналистикой, газетами, журналами, и вы видите, сколь сильно отстали они не только отъ столичной, но даже провинціальной русской прессы. Отсутствие научной подготовки, умственного баласта, умѣнія ориентироваться въ мало мальски сложномъ вопроѣ и идти далѣе изложенія фактовъ съ чужихъ словъ, все это невольно бросается въ глаза и наводитъ на печальныя размышленія...

Поляки народъ самолюбивый и не даромъ еще Пушкинъ называлъ ляха „кичливымъ“. Поляки любятъ до сихъ поръ хвастаться своею наукою, своими учеными, но все это дѣлается съ полнымъ сознаниемъ ничтожности всѣхъ „знаменитыхъ“ именъ, единственно съ цѣлью поддержать хорошее мнѣніе о себѣ среди другихъ и собственной націи.

Національная гордость заставляетъ польскую прессу называть учителей частныхъ женскихъ училищъ „профессорами“, популярныя статейки варшавскихъ ученыхъ — серьезными научными трудами... Умственный уровень націи падаетъ, интеллигенціи все меньше и меньше. Еще въ мірѣ искусства, беллетристики, поляки могутъ похвастаться кое какими именами, которыя напоминаютъ время отъ времени цивилизованному міру, что польская нація еще существуетъ. Даже въ обла-

сти исторіи, которая разрабатывается поляками съ особенною любовью, они отстали столь сильно, что единственный опытъ исторіи государственнаго права („Исторія польскаго сейма“ Карѣва) и лучшая исторія словесности (Спасовича) написаны на русскомъ языкѣ.

Въ словахъ кіевского ученаго, проживающаго въ 16 час. ѣзды отъ Варшавы, требованіе исключительныхъ законовъ по отношенію къ полякамъ, въ виду культурныхъ преимуществъ послѣднихъ звучитъ, горькою ироніею...

Времена, когда поляки были культурнѣе русскихъ, отошли уже въ область прошлаго, точно также, какъ и экономическія преимущества ихъ. Начиная съ 1870 г., польское землевладѣніе въ Юго-Западномъ краѣ сократилось на 40% и тѣмъ не менѣе польская нація почитается до сихъ поръ народомъ пановъ землевладѣльцевъ. Это опять версальскій часовой, старый терминъ, потерявшій смыслъ. Польское населеніе Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго края—это уже давно не паны, не землевладѣльцы. Поляки въ Россіи это сѣрая трудолюбивая масса: управляющіе въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, арендаторы, мелкіе коммерсанты, техники на заводахъ, владѣльцы мелкихъ торгово-промышленныхъ предпріятій, магазиновъ, аптекъ.... Съ 60-хъ годовъ обстоятельства подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Поляки въ Россіи уже не помѣстное дворянство, но третье сословіе, которое при извѣстныхъ условіяхъ могло бы доставить Россіи крупный контингентъ полезныхъ тружениковъ на поприщѣ научной, общественной и государственной

дѣятельности. Эта масса, являющаяся маврами края ждетъ уравненія въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. О существованіи этого многочисленнаго контингента лицъ польскаго происхожденія забываетъ, или по недоразумѣнію умалчиваетъ проф. Ренненкампфъ, выдвигая на первый планъ представителя польскаго элемента въ краѣ, помѣщика феодала, который уже въ настоящее время представляетъ рѣдкость въ родѣ зубра Бѣловѣжской пуши.

Такимъ образомъ, ни проф. Чичеринъ, ни проф. Ренненкампфъ не предложили сколько либо удовлетворительной формулы разрѣшенія польскаго вопроса. Мы вовсе не имѣемъ въ виду предложить подобную формулу, полагая, что вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ и исчерпать его въ краткой брошюрѣ нельзя. Цѣль нашихъ статей — обратить вниманіе читателя на несогласіе съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла, на непослѣдовательность и слабость аргументаціи обоихъ ученыхъ. Мы считали бы цѣль нашу достигнутой вполнѣ, еслибы намъ удалось возбудить сомнѣніе въ умѣ читателя относительно непослѣдовательности тѣхъ исходныхъ положеній, которыя легли въ основаніе различныхъ формулъ, предлагающихъ разрѣшить польскій вопросъ, и чтобы читатель самъ постарался разобраться въ нихъ по источникамъ, постарался провѣрить, на сколько справедливо мнѣніе, изображающее поляка въ видѣ непримиримаго врага Россіи, заговорщика и интригана.

М. Оржельскій.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
90-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel, 26-68-63

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями обращаться: въ складѣ изданія,—
Кіевъ, Крещатикъ, № 40, контора типографіи
Петра Барскаго.

Wydawnictwo
Książki
i
Czasopiśmiennictwa
w Warszawie